

Игорь Тюленев

И ВСПЫХНЕТ ПАМЯТЬ

Пороховой запас

Комары гудят, как лодки,
Что бегут по-над водой.
Перемерли все погодки,
Что любили пить со мной.

Что любили пить и драться,
Речку выгибать веслом,
Самогоном наливаясь
И в обнимку спать с костром.

Вот такие, ёлы-палы,
Были корешки у нас...
Но от сырости пропали,
Как пороховой запас.

Городская окраина

Дома картонные, бумажные,
Труха и пакля лезут в паз,
И в основном всё двухэтажные,
Всё чёрно-серые в анфас.

Во двориках, как у Поленова,
Поленницы горбатых дров,
Портреты Энгельса и Ленина
Взирают из сырых углов.

В чулане дедовская четверть
Початая, с живой водой...
Знать, старший сын закончил четверть,
Шумит, как месяц молодой.

За стенкой, словно в пушку ядра,
Вбивают в платье девки грудь.
Поздней у городского сада
Ты подмигнуть им не забудь.

Тяжёлые кусты сирени
Ломают чахлый палисад,
Я здесь мёд-пиво пил со всеми,
Тому лет двадцать пять назад.

Сейчас случайно, мимоходом
К ним ненароком загляну,
Чтоб зацепить плечом ли, оком
От нас ушедшую страну...

У моря

Не здесь ли кадила звезда Одиссея
В ладонях разлуки.
Где слёзы Сирен выжимал из очей я,
Как яд из гадюки.

На дне амазонки топили обновы,
Молву и наветы.
И выжгли глаза у Гомера глаголы,
Как сопла ракеты.

Здесь зной гуталином касается кожи.
Слюна высыхает.
Но здесь олимпийцами стать мы не сможем
Без отчего края.

Без рощ золотых и простуженных речек,
Мужицкого рая...
На севере диком грустит человечек,
Меня поджидая.

И все эти гарпии, фурии духа,
И арфы Эллады,
Замрут, как ладошкой, прибитая муха,
У русской ограды.

Пожар Манежа

Манеж горел. Умы клубились
И оседали на счетах...
Когда-то здесь на саблях бились,
Орлы, нам с вами не чета!

Здесь шли в галоп кавалеристы.
Я слышал топот лошадей!
Художники, певцы, артисты.
Хрущёв бывал и Аджубей.

Как будто бы сошёл с плаката,
На выставке бессмертных сил,
Хрущёв Сергеевич Никита
Про гомосексов говорил.

Здесь я ходил на Глазунова,
Он ничего мне не открыл...
Три ратника у Васнецова,
Вот чем мой предок дорожил.

Но Русская пуста застава,
Скрипит в гробу казак Илья.
И догорает наша слава
Уже в трёх метрах от Кремля!

Вина

Сколько быть без вины виноватым?
Отыщу за сараем лопату,
Закопаю вину глубоко...
– Повинись! – мне кричат фарисеи,
Вторят им всех времён лицедеи...
Закопал, но не стало легко.
– Откажись от великой идеи,
Отрекись от великой Расеи... –
Этот гомон зашёл далеко.
Лучше быть виноватым,
Но честным,
Взял лопату,
А место известно.
Откопал...
А там нет ничего.

Сад

В багрец и золото...
Вот осени начало.
Холодным духом веет от строки.
Дабы костям продутым полегчало –
На печки спешно лезут старики.

Из птиц – одни сороки-белобоки,
Не улетели за теплом на юг.
Проходят все отпущенные сроки,
Проходит всё...
Да и любовь, мой друг.

Горячим чаем разогреем плоть,
Возьмём лопату, черенки от вишни.
Сад разобьём,
И, может быть, Господь
Нас ненароком в том саду отыщет.

Думы холостяка

Пора жениться, брат, пора,
Рванул было со двора,
Да на дворе лежат дрова,
Растёт трава.

А если пальцем мысль прижать,
То можно годик подождать,
Ведь от себя не убежать,
Не убежать...

Домой вернусь да борщ сварю.
Я, девки, вас не узнаю,
Хоть говорю вам не в струю,
Я не в строю!

Из строя вышел, как солдат,
Пусть без меня идёт отряд,
Не мной командует комбат,
И сват, и брат.

Я погорюю да посплю,
На вечер дурочку словлю,
Побуду час-другой в раю,
Опять посплю.

Проснусь не лысый, не худой,
С широкой русской бородой,
Жене я подойду любой,
Жене любой.

Друг женится. Давай, не трусь!
Когда-нибудь и я женюсь,
Когда – не знаю – соберусь.
Женюсь, женюсь...

* * *

Ребята, был ли я в Париже?
Конечно, был! Вопрос смешон.
Там были «меченый» и «рыжий»,
Прорабы бездны с кодлой жён.

Тебя таможенник встречает,
Когда садится самолёт.
Он за себя не отвечает,
Шмонает прибывший народ.

Кого-то просит снять фуражку,
Кого-то брюки и трусы.
Дочь буржуина хватъ за ляжку
В чулках невиданной красы.

Неужто, к стрингам прицепила
Ракету от системы «Град»?
Что взять с меня? – Топор да вилы,
Что я заныкал в палисад.

Недавно здесь стоял Есенин,
Спускал, как свору псов слова.

Март. Настроение весеннее,
И ты податлив, как трава...

Таможня паспорт возвращает,
Но негр вам честь не отдает.
И вот Париж тобой икает,
Открыв огромный женский рот.

**Монолог участника
Парижского книжного салона**

Наш президент, с французским сидя,
Ни разу нас не посетил...
Висели на ушах витии –
Из тех, которых пригласил.

К руке прикладывался всякий
Постмодернист и демократ,
Потом уже к священной раке,
В которой спрятан Бонапарт.

Я ж не почтил Наполеона,
И не припал к стопам врага!
Сравнил ботинок свой с condomом
Легко – стихи читал когда.

Ко мне студентки из Сорбонны,
Слетались, словно мотыльки.
Топтал парижские газоны
И разорял их цветники.

Мой предок с Терека, не здесь ли
Осаживал резва-коня,
На круп лошажий шлюхи лезли,
И он не посрамил меня.

Я, слившись с Люксембургским садом,
Мечтал – на Родину иду...
Она украшена парадом
В том приснопамятном году.

Спасла Европу и арабов,
Бульвар Распай и Монпарнас.
Нельзя быть президенту слабым.
Он должен походить на нас.

И вспыхнет память

Играет мускулами слог,
Как ток по струнам.
Мне встретиться позволил Бог
С тобой в подлунном.

А значит не в церковный хор
И не на паперть
Влюбленный устремится взор
И вспыхнет память.

Нет, нет, там не было такой,
С хрустальным телом.
С ромбической бахромой –
Златой на белом.

Ни этих слёз, ни этих глаз,
Ни этих сказок...
Ни эти профиль и анфас,
Ни этих красок.

Нет ни Шекспира, ни Пьеро,
Ни Коломбины...
Есть я и ты – моё ребро,
И гроздь калины.

А значит, осень на дворе,
И божьи стаи
Летят в небесном серебре,
Чтоб не растаять.

И взявшись за руки, взлетим,
Влюбившись слепо.
Мы наши чувства сохраним.
Как птицы – небо.

Полёт шмеля

Шмель, врезавшись в стекло, упал в ладонь,
Как в золотой броне небесный конь.
Цветочная пыльца вошла туманом,
Я приложил её к сердечным ранам.

И зазвонят пчелиные луга,
На мостик встанет радуга-дуга.
Звенит кольцо серебряной калитки
Её открою я с одной попытки.

Увижу в белом маму и отца,
Стоящими у Божьего Крыльца.
Лиц не увижу, но услышу внятно:
– Зачем ты здесь? Иди к живым обратно!

Сомкнёт молитвой трещину земля.
И я очнусь и выпущу шмеля.
Лети любимец лиры и цветов.
Лети в луга – ты проживёшь без слов.

Пожары

Москва в дыму, страна в пожарах.
Сгорают русские леса...
Треск сучьев, словно треск гитары,
Когда разорвана душа.

Я в это время на машине
Катил неведомо куда.
А вдоль обочины – Россия
И люди водки и труда.

Меня встречали-проводжали,
Я ж мчал, вперяя взгляд вперёд.
А на душе копилась жалость
За брошенный в огонь народ.

Когда б скопилась в лёгких сила,
Я б тучу сдул с небес с дождём...
Чтоб вёдра набрала Россия
И потушила общий дом.